

прозрачными для носителей языка, постепенно закрепляясь в функции постпозициональной грамматической морфемы реляционной семантики.

На шкале грамматикализации маркеров именных падежных ролей (nominal case role markers) [1] вторая группа послелогов в восточно-хантыйских диалектах, рассмотренная в данной статье, представляет собой группу имен существительных рутинно употребляемых с реляционной семантикой. Обозначающие части пространства и простран-

венные отношения и занимающие самую нижнюю (наименее грамматикализованную) ступень в восточно-хантыйской системе маркеров именных падежных ролей. Послелоги первой рассмотренной нами группы, по К. Леману (1985), являются второстепенными послелогоми – морфологически сложными и менее прозрачными – принадлежащими следующей (более грамматикализованной) ступени на шкале [1, с. 304].

Поступила в редакцию 26.10.2006

Литература

1. Lehmann Ch. 1985. Grammaticalization: Synchronic Variation and Diachronic Change // *Lingua e Stile* 20.3: 303-318.
2. Heine B., Reh M. Grammaticalization and reanalysis in african languages. 1984.
3. Givon T. On understanding grammar. 1979.
4. Терешкин Н.И. 1961. Очерки диалектов хантыйского языка. Изд-во Академии наук СССР.
5. Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1966.
6. Siewierska A. Person. Cambridge University Press. 2004.

УДК 809.41/43; 809.44/45

А.В. Байдак

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КЕТСКИХ САМОЕДОВ ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ К. ДОННЕРА

Томский политехнический университет

Одними из главных научных направлений факультета иностранных языков уже на протяжении нескольких десятков лет остаются изучение языков и культуры малочисленных народов Сибири, полная документация этих языков, их исследование, разработка теоретических положений, создание учебников и учебных пособий, словарей. Начало этой деятельности было положено лауреатом Государственной премии СССР, профессором А.П. Дульзоном и его учениками. В 1947 г. им был разработан план комплексного подхода к проблеме происхождения аборигенов Сибири и их языков. В результате ежегодных экспедиционных выездов был собран значительный фонд материалов по языкам и культуре кетов, селькупов, хантов, нганасан, энцов, чулымских тюрков.

Однако сегодня уже стала расхожей фраза о том, что языки вымирают быстрее, чем лингвисты успевают их описать. Исчезновение языков, древних самобытных культур значительно обедняет все человечество.

Процессы ассимиляции селькупского населения, происходящие на протяжении нескольких сот лет со времен освоения русскими территорий их расселения и ставшие наиболее активными в двадцатом веке, привели к ситуации «...растворения эт-

носа в иноэтнической среде, расплзания ткани селькупской культуры» [1, с. 253]. При таком «интенсивно исчезающем» состоянии этноса особое значение приобретает обращение к ранним экспедиционным материалам, собранным в XIX – начале XX вв., когда селькупская культура еще не утратила своего этнического колорита. К плеяде ученых этого периода относится Карл (Кай) Райнгольд Доннер (1888–1935) – известный финский лингвист, этнограф, исследователь многих языков и культур народов Сибири, прежде всего южных и восточных самодийцев – южных селькупов, камасинцев, энцев, нганасан. К. Доннер путешествовал по Сибири в 1911–1913 гг. и в 1914 г., в 1915 г. он опубликовал свои подробные описания на финском и шведском языках, позднее вышли немецкое и английское издание под названием «У самоедов в Сибири» [2, с. 421]. Отсутствие до сих пор публикации этой работы на русском языке, на мой взгляд, значительно снижает круг отечественных исследователей, использующих важнейший письменный научный источник по этнографии народов Сибири. Отдельную главу в своей книге К. Доннер посвятил духовной культуре кетских самоедов – селькупов, живущих на Кети и ее притоках [3, с. 95–119]. Данная статья базируется на экспедиционных наблюде-

ниях ученого, касающихся религиозных представлений селькупов, и представляет собой обработанный перевод главы «Die Religion der Ketsamojednen» (Религия кетских самоедов) из книги К. Доннера «Bei den Samojednen in Sibirien» [3, с. 95–119]. Информация К. Доннера представляет особую ценность не только потому, что она собиралась ученым почти сто лет назад, когда еще можно было говорить о самобытности этноса, но и потому, что селькупы неохотно делились с приезжими своими знаниями, опасаясь жестокого наказания верховного божества. К. Доннер же, путешествуя по Сибири и разделяя с аборигенами все тяготы их жизни, общаясь с ними на их родном языке, стал для них «своим», и они охотно раскрывали ему душу, делились знаниями, накопленными из поколения в поколение.

Вслед за К. Доннером в статье мы будем использовать дореволюционное название селькупов «самоеды».

Согласно записям ученого, кетские самоеды официально являются крещеными христианами, но аборигены, живущие на Korgelku (Медвежья река = Кеть), все же, как и их предки, – язычники. Все самоеды, без исключения, верят в высшего бога, создавшего мир и людей, который является господином вселенной, управляет и руководит ею. Однако по их представлениям бог не есть определенное олицетворенное существо, бог живет на небе. В большинстве случаев – это абстрактное понятие, которое почти сливается с небом и равнозначно ему, то есть бог в то же время является небом. Совершенно невозможно теперь определить, какое же из этих двух понятий является первоначальным. Самоеды представляют бога как недоступное человеку существо, настолько далекое, что его невозможно умиротворить жертвоприношениями и не стоит обращаться к нему с молитвами, поэтому даже шаманы обращаются к богу лишь в исключительных случаях. У самоедов нет точного понятия бога и неба, зато они имеют четкое представление о нижнем мире и духах, населяющих его. Такие религиозные представления характерны для многих первобытных народов.

Кетские самоеды полагают, что каждый предмет имеет своего духа и что этот дух может освободиться только при разрушении этого предмета, также как душа человека при наступлении смерти. Духи или, как их еще называют, божки условно делятся на несколько групп: те, которые находятся повсюду, те, которые представляют предков, местные духи и, наконец, домашние.

Самыми главными среди названных в первой группе духов являются духи леса и воды. Дух леса –

добрый и хорошо относится к людям, в то время как дух воды считается скорее злым и потому его боятся. Дух леса Pärğa, которого иногда изображают в виде фигуры на лесных деревьях, ведает всей дичью. Он не требует больших жертв. Достаточно помазать ему губы медвежьим жиром или дать водки, но иногда он требует, чтобы ему дали искусно вырезанные стрелы и хороший лук. Бога воды никогда не изображают, в представлениях самоедов он жадный и алчный, он в любой момент может ограбить, если ему мало пожертвовали. Он может не только лишиться добычи (не дать рыбы), но и наслать на человека болезни или затянуть в воду. Водяной дух заодно с духами нижнего мира, которым он служит. Поэтому весной и осенью ему жертвуют большое количество рыбы (часто это деревянные изображения рыб). Отправляясь в путешествие по воде, по возвращении в жертву приносят деньги и другие ценные вещи. Если кто-то заболел и поблизости нет шамана, водяному духу жертвуют тряпочки, одежду, развешивая ее на прибрежные кусты, чтобы дух мог ими воспользоваться. Так вылез один из информантов К. Доннера на Тыме, до этого безрезультатно глотавший его таблетки.¹

Если же водяной дух, несмотря на все жертвоприношения, ведет себя неприветливо, оставляет без внимания просьбы людей, его можно усмирить с помощью огня. Недалеко от места обитания водяного духа – одинокого лесного озера или глубокого залива – разводят костер и бросают в воду головешки. Многие люди, которых водяной дух грозился ограбить, рассказывали, что им удалось спастись от него только огнем; он совершенно не выносит огня.

К группе духов, которые присутствуют повсюду, относятся также духи, поражающие человека болезнями и насылающие несчастья. На западе их изображают в виде маленьких, похожих на людей существ, на Кети они не имеют никакого конкретного образа. Считается, что они настолько близки к духам нижнего мира, что жертвоприношения и тем и другим приносятся одновременно. В отдельных местностях полагают, что жизнь и смерть, здоровье и болезни связаны с духами нижнего мира, во власти которых в любой момент оборвать нить человеческой жизни. Лишь героям прошлого удавалось продлить себе жизнь на земле, но добивались они этого не с помощью жертв и заклинаний, а силой и обманом.

Самым важным и почитаемым у самоедов является, безусловно, Kibdar-gur, или родоначальник каждого отдельного рода. Каждый род почитает в его лице своего собственного бога-предка; он царит

¹ Помимо этнолингвистических исследований, во время своих экспедиций К. Доннер занимался врачеванием. Известны случаи, когда с помощью медикаментов он избавлял аборигенов от солитера, желудочно-кишечных расстройств и др. заболеваний.

повсюду, пользуясь властью, которой наделил его бог неба. Бог-предок является главным в религиозной жизни рода. Кроме того, между всеми богами-предками существует определенная религиозная генеалогическая связь. Таким образом, бог-предок – это собирательное понятие. На Тyme бога-предка представляют по-разному. На Кети его никак не изображают, а почитают одновременно с тем животным, который его символизирует. Самое удивительное в том, что самоеды полагают, что это тотемное животное наделено человеческими качествами. В верховьях Кети жители представляют бога-предка медведем, поэтому и род называется родом Медведя, то есть происходящим от этого зверя. Кетские самоеды твердо верят в превращение человека в животного и наоборот. Если особым способом перепрыгнуть через какое-то поваленное дерево и при этом проговорить нужное заклинание, то можно легко превратиться в медведя. Или если девушка поест петушиного мяса, то может случиться, что она забеременеет и родит вместо ребенка маленькую птичку. В сознании самоедов четко укоренилось представление о происхождении человека от животных, и это им вовсе не кажется странным. Особое сходство прослеживается между медведем и человеком. Тотемный зверь особым образом уважается и почитается самоедами. Каким бы опасным и вредным он ни был, его никогда не убивают и оберегают: есть мясо тотемного животного у других племен. Их отношение к употреблению в пищу мяса тотемного животного сравнимо с отношением цивилизованных людей к каннибализму.

Тотемный бог-предок может подарить роду богатство и счастье, бесплодную женщину наградить деторождением; он благословляет работу и облегчает жизнь. По праздникам ему приносят общую жертву от всех членов рода, мужчины жертвуют ему оружие, меха, деньги, а женщины – иголки, нитки и платки.

В представлениях самоедов все вещи в природе являются одушевленными. Особенно это касается камней, которые привлекают внимание своими причудливыми формами. В этой связи К. Доннер упоминает удивительный камень, который ему показал один абориген, бережно хранивший его в качестве оберега от злых духов. Этот камень по форме напоминал человеческую стопу. Камни зачастую являются предметом почитания; немного фантазии – и можно увидеть в нем человеческое лицо, углубления и выступы напоминают глаза, рот, нос. Такие камни, завернутые в лоскутки, имеют на Кети особое религиозное значение, им приносят жертвы в виде денег и прочего. Ученый сфотографировал один такой камень; он назывался *ru1-raja* – каменная старуха. Чтобы не вызвать ее гнева, К. Доннер должен был пожертвовать 20 копеек. Са-

моеды верят, что такие камни могут перемещаться с места на место, и в особенности на Кети К. Доннер встречал множество таких «непоседливых» кочующих божков. Их считают могущественными и приносят им жертвы, хотя не знают точно, что находится в их власти. Люди часто поклоняются тому, что кажется им таинственным и необъяснимым.

На западе и на севере все без исключения остяко-самоеды имеют своих собственных домашних божков, на востоке же домашние божки есть только у шаманов. В каждой семье может иметься до пятнадцати деревянных куколок, изображающих различных духов. Одни из них представляют собой домашних божков, которые охраняют домашний очаг, защищают членов семьи. Другие служат для того, чтобы отпугивать злых духов, приносящих болезни. Белые божки приносят счастье и удачу, к ним относятся покровители различных видов охоты. Так называемые черные божки защищают от всего дурного; их называют черными не из-за цвета одежды, а потому что они сами относятся к злым духам и, следовательно, могут прогнать себе подобных враждебно настроенных духов. Самоеды полагают, что зло можно победить только злом. Домашние божки живут, как правило, в большой берестяной корзине. Там же хранятся крошечные, сделанные из свинца орудия и животные; куколки имеют много одежды. Богатство гардероба объясняется тем обстоятельством, что минимум один раз в год куколок нужно переодевать. Костюмы сделаны из кусочков меха и лоскутков, в них кукол заворачивают специальным способом; голые куколочки выглядят очень смешно. Одежду для кукол нельзя шить, все должно быть завернуто или завязано. Переодевать куколок разрешается только девственнице или шаману.

Религиозные представления кетских самоедов отражают их тесную взаимосвязь с природой и окружающим миром. Цветы и звери, как и люди, имеют душу, с животными самоедов связывают родственные узы. Все самоеды верят, что человек имеет особый дух и, кроме того, душу. Дух есть олицетворение жизни, душа – центр человека, его личности.

Самоеды имеют разнообразные субъективные представления о жизни после смерти. Наряду с подробными представлениями о жизни в царстве мертвых наблюдается и полнейшее отсутствие таких знаний у некоторых людей. В качестве иллюстрации Доннер приводит сначала рассказ своего предшественника М. Кастрена об одном мужчине, которого он встретил в поселке Тогур. «Он был в некотором роде филологом, так как довольно хорошо знал четыре из семидесяти семи языков, существующих, по его мнению, в мире», – пишет Кастрен, – и продолжает: «Когда я однажды спросил у

него, что происходит с человеком после смерти, он ответил совершенно определенно: то же, что с собакой – лежит да гниет. На вопрос о том, продолжает ли жить душа человека в ином мире, абориген ответил: «Сходи да посмотри, тогда узнаешь».

К. Доннер же приводит абсолютно противоположный пример. Ему довелось поговорить о загробном мире с одним самоедом на Тыме. Его рассказ являлся подтверждением большого значения игры воображения у примитивных народов: «Я долго болел», – говорил он. «Меня измучила лихорадка. Наконец дух покинул мое тело и улетел. Я оказался там, где никогда не бывал раньше, и чем дальше я перемещался, тем мрачнее становилось вокруг. Я пробирался через дремучие леса и высокие горы, через огромное море. Наконец я очутился на высоком горном хребте, с которого открывался вид на черную реку. В воде я увидел множество людей; все они пытались выбраться из черной воды. Некоторые из них погружались все глубже. Другие карабкались вверх по скользкому склону, держась за него окровавленными руками, но снова падали в воду. Из реки торчала огромная до неба жердь, многие люди пытались забраться по ней наверх. Вокруг них порхали какие-то большие птицы, отпугивающие людей. Другие люди ловили рыбу и не пытались сбежать; казалось, им неплохо живется на песчаных отмелях. В лесах за рекой охотились так, словно это было на земле. Многие были здесь со своими семьями, другие ждали своих жен и детей. Я снова отправился в путь и вскоре уснул. Проснувшись я уже на земле. Солнце всходило, его лучи разбудили меня, и я чувствовал себя абсолютно здоровым человеком. Когда я встал, то понял, что был какое-то время мертвым, потому что моя мать одела меня, вынесла и накрыла полотнищем из бересты, так обычно поступают с умершими. Потом мать рассказала мне, что накануне вечером я умер, но утром солнечные лучи подарили мне новую жизнь». Самоед, бывший в лихорадочном бреду, и его родственники верят в то, что смерть может наступить на какое-то время, поэтому не удивительна его уверенность в том, что он действительно побывал в ином мире.

Шаманы верят, что дух человека не сразу после смерти покидает его тело. Какое-то время он живет, если не в теле человека, то где-нибудь поблизости. Затем он отправляется в путешествие и может причинить вред, если его не задобрить жертвоприношениями. Духи могущественных, давно умерших шаманов могут годами преследовать людей. Например, один известный на Тазе шаман наслал на другого шамана своих духов и убил его, но через год дух второго шамана убил первого шамана, проникнув в его желудок. Не нужно бояться человеческой души (на языке самоедов *куеи*). После

смерти она постепенно отдаляется и попадает в подземный мир, где продолжает такую же жизнь, как и на земле. Поэтому необходимо заботиться о том, чтобы ей там было хорошо. Покойника снабжают всем, что ему может понадобиться в ином мире: одеждой, оружием, продуктами и даже водкой. Ведь даже в подземном царстве неплохо иногда пропустить глоток-другой. В отличие от христианского ада, в подземном мире самоедов очень холодно. Все вещи, которые кладутся на могилу, сначала ломают и рвут. Это делается для того, чтобы духи этих вещей освободились и могли сопровождать своего господина в долгой дороге. Некоторые самоеды считают, что душа разделяется на две части, одна из которых попадает в подземный мир, находящийся в устье Оби, другая же отправляется к богу-предку наверх, который вместе с богом неба решает, заслуживает ли эта душа лучшей жизни. Если нет, то обе части души воссоединяются и остаются в подземном мире. Если принято положительное решение, то душа остается жить на небе, но ни один из самоедов не может описать, как устроена жизнь на небесах. О подземном мире самоеды, как и другие примитивные народы, имеют более обширное и точное представление, небо их практически не интересует. Это объясняется тем, что в их религиозных представлениях нет ада, а подземное царство является местом, где можно жить так же, как на земле. В небе как будто нет особой потребности, люди получают наказание за грехи и плохие поступки уже на земле.

Подземное царство расположено в устье Оби и им правит женское божество, которую самоеды называют «старухой, перерезающей пуповину семи земель». Она определяет, в какое время человеку родиться и когда он должен умереть. Она действует не только по своему усмотрению, другие боги также могут влиять на ее решения. Ей служат духи воды.

Кроме души и духа, человек имеет еще один дух, который при жизни всегда находится рядом. Он следует за человеком как тень, после смерти этот дух покидает человека и никогда больше не возвращается. Почувствовав этот дух, шаман может предсказать приближение человека.

Самоеды считают, что по ночам покойники блуждают в ночных сумерках, они могут навредить или даже съесть кого-нибудь. Возможно, такого рода представления заимствованы самоедами у русского населения.

Кетские самоеды не верят, как юраки, в переселение душ, не очень боятся мертвых, в отличие от тунгусов, которые хоронят умерших в отдаленных местах, или остяков, считающих, что даже произнесение имени покойника может навлечь беду. Единственной мерой предосторожности, которую

предпринимают самоеды в случае смерти кого-то из жителей, является перенос юрты в другое место. Но это делается также и после родов, место считается нечистым, небезопасным, его нужно остерегаться.

Известно, что самоеды верят в силу сглаза. Они считают, что умерший человек своим взглядом может заколдовать живого человека. Недостаточно просто плотно закрыть глаза покойнику, их прикрывают дополнительно медными монетами, а если нет монет, то камушками и другими непрозрачными предметами. Даже если покойника-самоеда благословляет православный священник, ему кладут на глаза медные монеты, а в подмышки – кусочки хлеба. Остальные предметы кладутся обычно рядом с могилой.

Духовным путеводителем, врачом и советчиком по многим важным вопросам для самоедов служит шаман. Настоящим шаманом может быть только мужчина, его высокое божественное призвание – служение в качестве посредника между человеком и миром духов. Шаманы пользуются большим уважением и, как правило, являются людьми одаренными. Они наделены поэтическим даром и богатым воображением, которое усиливает поток красноречия шамана, очень сильно действующий на верующих людей; неверующим же все это кажется смешным и нелепым.

Нередко шаманский дар передается по наследству, от отца к сыну. На Кети К. Доннер встречал шамана в седьмом поколении. Понятно, что представители религиозного культа, унаследовавшие знания многих поколений, являются наиболее надежными. Молодые шаманы учатся у опытных знатоков, поэтому религия самоедов сохраняется в ее первоизданном виде. Шаман ведет переговоры с духами о жизни и смерти, счастье и беде; он знает их волю.¹ Камлание начинается обычно с наступлением сумерек и может длиться всю ночь. До начала камлания шаман призывает своих помощников, которые достают бубен и постепенно подогревают его на огне для того, чтобы кожа натянулась как можно туже. На Кети шаман никак не готовится к совершению обряда, в то время как в других местах, чтобы легче войти в состояние транса, шаман съедает несколько мухоморов. Мухоморы содержат достаточно сильный яд и имеют на организм одурманивающее действие. Аборигены зачастую используют мухоморы вместо алкогольных напитков. Шаман, выполняющий обряд камлания, должен быть абсолютно здоровым, так как во время болезни он не имеет власти над духами. Недомогание шамана, случайное присутствие собаки или иной нечисти во время обряда может стать причиной

прекращения сеанса. Перед началом камлания участники разводят в юрте костер, шаман устраивается на заднем плане прямо напротив входа в юрту на специально предназначенной для него оленьей шкуре, участники садятся вокруг него. Все погружается в напряженную, полную ожидания тишину. Шаман встает пред огнем, берет в руки бубен, затем садится, склоняется над инструментом и, громко зевая, дает понять, что он сейчас покинет этот мир. Одновременно он приподнимает шапку на голове и, вдоволь назевавшись, засыпает на некоторое время. Когда шаман просыпается, его поведение меняется; он совершает произвольные движения, кажется, что он пребывает в полудреме, не замечает окружающих и говорит абсолютно другим голосом. Сначала раздаются негромкие удары в бубен, шаман напевает вполголоса мелодию без слов или на каком-то непонятном языке. Он издает странные звуки, напоминающие голоса различных животных, шепчет, свистит, зевает и стонет. Бубен повторяет эти звуки. Таким образом шаман призывает своих помощников – духов и животных – обитателей земли и нижнего мира. Постепенно удары в бубен учащаются, сливаясь в сплошной гул, шаман начинает пение. Он поет несколько строф и затем делает паузу, во время которой участники камлания повторяют его песню. Этим своеобразным хором руководит, подобно церковному дьячку, помощник шамана. Напряжение нарастает по мере того, как удары в бубен становятся все сильнее и отчетливее, а голос шамана раздается все громче. Слова шамана, разнообразное звучание бубна держат присутствующих в состоянии напряженного внимания, передают настроение шамана. Затем шаман описывает свое путешествие в царство духов; он изображает трудный путь, по которому ему предстоит пройти. Его подстерегают разные опасности: пустыни, горящие леса, бушующие моря, коварства и хитрости воинов, встающие на пути, отравленные реки, болезни. Лишь преодолев тысячи препятствий, шаман приходит наконец к нужному ему духу. Тогда пение и музыка вдруг резко стихают, и несколько мгновений в юрте царит полная тишина. Но тут же музыка и пение становятся еще громче, чем прежде; шаман становится похожим на буйно помешанного, его тело бьется в конвульсиях, глаза выходят из орбит, голос издает страшные звуки. Он уже не поет, кажется, каждое слово дается ему с большим трудом. Он общается с духом, ведет с ним переговоры, посылая ему свои угрозы и просьбы. Если они, в конце концов, договариваются о деле, то затем следует обсудить, каким будет жертвоприношение. Когда речь идет о человеческой жизни, то шаман должен поручиться, что жертва будет при-

¹ Далее К. Доннер подробно описывает костюм и атрибуты кетского шамана.

несена и предлагает в качестве залога свою собственную жизнь. Но прежде чем он сможет общаться с духами нижнего мира, он должен доказать, что сам он защищен от всего и не боится смерти. Кружась в жутком танце, шаман по очереди берет у присутствующих их ножи и ранит ими свою грудь и плечи. Он глубоко вонзает в себя ножи; при этом не проливается ни единой капли крови.

После общения с духами шаман возвращается. При этом он снова описывает свой путь, и присутствующие вновь повторяют его слова. Но удары в бубен и голос шамана становятся все тише, а темп пляски снижается по мере приближения шамана к цели. Как только он «возвращается» в юрту, наступает мертвая тишина, и лишь через некоторое время шаман рассказывает, что сообщил ему дух и каким должно быть жертвоприношение. Цель камлания достигнута, и теперь шаман может заняться своими «земными» делами. Он отсылает духов-помощников, проходит между участниками представления и бросает перед каждым колотушку так, чтобы она упала внутренней стороной вверх. Это необходимое условие подтверждения правильности его слов. Затем начинается заключительный танец, во время которого дух шамана должен вернуться в его тело. Он совершает странные прыжки, при этом раздевается и произносит заклинание, символизирующее его освобождение, и складывает свои атрибуты на оленью шкуру. Потом он начинает церемонию очищения с помощью раскаленных углей и горящих головешек. Когда его тело вновь становится послушным, он выпивает несколько черпаков воды, в последний раз просит освобождения и падает на землю. Все закончилось, дух шамана вернулся в его тело, шаман засыпает, и сон его может длиться несколько часов.

Вот так происходит настоящее общение шамана с духами. В присутствии чужаков, например неверующих русских, шаман никогда не надевает шапку, и тогда весь обряд – обман, мистификация. Самоеды, в отличие от русских, всегда могут отличить настоящее камлание от розыгрыша. Если речь идет о какой-то несерьезной болезни, шаман может оказать помощь, не совершая столь сложный обряд. В этом случае духов болезни можно прогнать из организма человека, напугав их. Такого рода лечение встречается нередко, и, так же, как у нас, вера зачастую действительно творит чудеса. Шаманов, способных излечивать только словом, мало. Иногда шаман заклинаниями останавливает кровотечение, но при этом он, как правило, одновременно умело сжимает кровеносный сосуд.

Простые болезни, например желудочные заболевания, каждый самоед может лечить сам. От ко-

лики избавляются следующим забавным способом. Заболевший, вытягиваясь, ложится на спину, обнажает живот и просит кого-нибудь углем нарисовать ему на больном месте три рожицы, изображающие духов. Считается, что через какое-то время эти духи прогонят из живота больного своих родственников и больной поправится.

Под руководством шамана в присутствии всех мужчин рода происходят ежегодные жертвоприношения духу-предку. Шаман убивает жертвенное животное и произносит простые и короткие заклинания. Он просит родоначальника о защите своих соплеменников, о долгой жизни без болезней и других бед, об удаче на охоте и рыбалке, просит наградить их деторождением. Во время произнесения заклинания происходит жертвоприношение; отдельные куски мяса, предназначенные для духа-предка, откладывают в сторону, а остальные варят в принесенной посуде, затем шаман достает из каждой посуды самый лучший кусок и бросает его в священный огонь. Затем начинается трапеза – пир по случаю жертвоприношения, при этом не наблюдается какого-либо особого религиозного благоговения. Напротив, все выглядит очень веселыми и довольными и, кажется, твердо верят в то, что их просьбы будут услышаны.

Другим видом жертвоприношения считаются так называемые бескровные жертвы, которые имеют место в основном на севере. Жертвенное животное не убивают, а помечают особым образом, вырезая на его спине изображения духов и другие причудливые фигурки. Помеченного оленя нельзя убивать, нельзя есть его мясо и использовать во время промысла. Часто священного оленя впрягают в нарту, на которой перевозят домашних божков или почетных гостей. Сам по себе обряд бескровного жертвоприношения значительно сложнее кровавого. Заболевший человек подвергается при этом своеобразному лечению. Шаман сначала взывает к милосердию духов. Он спрашивает их, зачем душа человека была послана на землю, если ее так быстро хотят забрать. Он высказывает сомнения по поводу того, что именно этот человек должен уйти из жизни, так как среди семи народов земли¹ есть старые люди, а также преступники, грешники, в большей степени заслуживающие смерти. Шаман, словно сказочная птица, кружится вокруг больного, касаясь его своими крыльями, прогоняя таким образом духов и призраков.

К. Доннер отмечает, что самоеды не приносят в жертвы людей. Он полагает, что в недалеком прошлом совершались обряды, на основании которых могло сложиться представление о каннибализме среди самоедов и человеческом жертвоприноше-

¹ Кетские самоеды верили, что всю землю населяют семь народов.

нии. Например, известно, что древние люди поедали отдельные части тела своих умерших детей. Они верили в то, что таким образом умершие передают живым определенные качества, в частности молодость. По этой же причине раньше съедали сердце и

головной мозг врагов, проявивших в бою отвагу и смелость. Сейчас же, как отмечает К. Доннер, лишь в редких случаях в жертву приносят тела детей, умерших от болезни или по другой причине.

Поступила в редакцию 15.11.2006

Литература

1. Тучкова Н.А. Селькупская коллекция К.Р. Доннера в этнографическом музее (музее культур) Финляндии // Труды ТОКМ. 2002. Т. XII.
1. Земля верхнеткетская. Сборник научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнеткетского района. Томск, 1997.
2. Kai Donner. Bei den Samojedem in Sibirien. Stuttgart, 1926.

УДК 809.41/43; 809.44/45

В.В. Быконя, Е.А. Монастырская

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «УМ» В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

Поле как лингвистическое явление находится в центре внимания ученых в течение нескольких последних десятилетий двадцатого века. Лингвистические исследования посвящают таким полям, как лексические, понятийные, языковые, семантические, синтаксические, функционально-семантические, лингвистические (И. Трир, Л. Вейсгербер, Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, О. Духачек).

Существуют различные определения полей. Так, Л. Вейсгербер определяет языковое поле как часть языкового промежуточного мира, строящегося на основе единства органически связанных, взаимодействующих групп языковых знаков (Л. Вейсгербер, цит. по [5, с. 29]). По мнению Ю.Д. Апресяна, семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент, например величину, вес, вместимость, а также все их семантические и иные производные, включая слова других частей речи [1, с. 251]. О. Духачек интерпретирует лингвистическое поле как совокупность слов, которые, будучи связаны друг с другом определенными взаимоотношениями, образуют иерархическое единство (О. Духачек, цит. по [7, с. 41]). А.И. Кузнецова называет семантический класс слов, объединенных в одно целое отношениями рода – вида или части – целого, лексическими или лексико-семантическими полями [5, с. 45]. А.В. Бондарко относит к функционально-семантическому полю двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической

зоне [2, с. 40]. Как видно из вышеперечисленных определений, лингвисты исследуют различные явления языка, отсюда и различные толкования полей.

Обобщая вышесказанное, сформулируем следующее определение поля. Поле – это множество разнородных взаимодействующих элементов, обладающих общим семантическим признаком, выражающим данное понятие. При этом нам представляется наиболее целесообразным употреблять термин ‘семантическое поле’.

Как нет единого определения поля, так нет и единого критерия для отбора образующих его элементов. Это могут быть общая функция, предметная сфера, понятие, общее лексическое значение, точка зрения, отсюда и разнообразие элементов, которыми являются фонемы, слова, синтаксические единства и другие языковые средства.

Л. Вейсгербер подразделяет языковые поля на однослойные, двуслойные и многослойные. Критерием такого деления является наличие определенного количества точек зрения на рассматриваемое понятие. Слова как результат членения понятия под тем или иным углом зрения получают свое значение исходя из того, как классифицирует их человек. К однослойным полям Л. Вейсгербер относит числительные, поскольку их человек рассматривает с одной точки зрения. При этом входящие в состав данного поля слова не обладают общим лексическим значением. Их объединяет общая функция. Как двуслойное поле анализируется поле «Нарушение» (Verstoß), состоящее из существительных, прилагательных и глаголов. Данное поле рассматривается с таких точек зрения, как степень ответственности (Grad der Verantwortung) и против какой нормы со-